

Оглавление

Пролог	7
Часть первая. БЕГСТВО	9
Интерлюдия	118
Часть вторая. СЕРЬЕЗНЫЙ ЗАКАЗ	121
Интерлюдия	206
Часть третья. ЗАЧИСТКА	209
Интерлюдия	286
Часть четвертая. ШАНС	289
Эпилог	380

*Сталкеру Мунлайту,
сталкеру Снейку
и другим «ушедшим в Зону»...*

Пролог

Я помню его. Помню очень хорошо.

Вот детали окружающего пространства стали забываться: что-то не зафиксировалось вовсе, что-то размылось со временем. А он... о нем я всегда вспоминаю так, словно видел его только вчера. До боли яркий образ.

Да, с некоторых пор мне известно, что такое боль. Он научил меня. Или правильнее сказать — дал почувствовать? Я не знаю. Но в тот момент, когда его не стало, я понял, каково это, когда бывает больно.

Больно терять отца. А он в каком-то смысле был мне отцом. Во всяком случае, я всегда считал его таковым. Возможно, он думал об этом иначе. Не важно. В конечном счете, не имеет особого значения, как относится к тебе человек. Главное — как ты к нему относишься. А я считал его своим отцом.

Я помню его с момента своего рождения и до его последнего вдоха.

Помню его страх.

Помню его боль.

Помню его усталость, которой он никогда и никому не показывал. Этого никто не видел, все привыкли считать его шутником. Эдаким балагуром, смеющимся над страхом, не думающим о боли, не ощущающим усталости. С такими людьми очень удобно. От них не ждешь жалоб, но им можно пожаловаться. А еще с ними весело.

На самом деле все не так. Я не могу этого объяснить. Плохо понимаю человеческую натуру. Но я чувствую. И тогда я чувствовал не то, что он показывал окружающим.

Я помню его улыбку. Он часто зубоскалил, однако в памяти отложилось другое. Именно улыбка. Искренняя, теплая, светлая. Так человек улыбается только один раз

в жизни, когда знает, что сделал в этой жизни что-то достойное.

С ним рядом всегда находились какие-то люди, но для большинства из них он казался не тем, кем был на самом деле. Иногда мне думается, что, возможно, лишь я один понимал его. Хотелось бы, чтобы это было не так. Печально думать, что человек может быть настолько не понят.

Не знаю, кем был для него я, зато жалею, что так и не рассказал ему, кем был для меня он. Мы ведь толком и не говорили. Как-то не сложилось.

Да и долго бы нам пришлось понимать друг друга. Мне — учиться говорить, ему — учиться слушать.

И тем не менее я буду помнить его всегда. Слишком много он для меня значил. Вот только понял я это слишком поздно, когда в прошлом у нас осталось больше, чем я думал, а впереди — меньше, чем мне бы того хотелось.

Часть первая
БЕГСТВО

1

Дорога окончательно вымотала Хворостина, довела до крайней степени раздражения. Сперва кончился нормальный асфальт, вместо него пошло нечто раздолбанное, нещадно бьющее по подвеске, а следом и по генеральскому заду.

Хворостин матерился про себя, его водитель бурчал нечто нецензурное себе под нос, чем действовал генералу на нервы чуть ли не больше раздолбанной дороги. Потом была первая цепь заграждения: шлагбаум и пара идиотов срочников, не признавших начальство с первого взгляда.

Злость росла, а путь продолжался. Останки асфальта превратились в полное бездорожье. Машину трясло, пассажиров подбрасывало так, будто в детстве на аттракционах. Только если маленький Хворостин приходил от американских горок в восторг, то сейчас они были явно не к месту и окончательно испортили настроение.

Внедорожник швырнуло в сторону. Генерал чуть не прикусил язык. Водила снова едва различимо ругнулся. И хотя витиеватого заклинания на исконно-русском Хворостин не разобрал, тот факт, что наглец за баранкой именно матерится, сомнений не вызывал.

— Далеко еще? — сердито буркнул генерал.

— До кордона? Километр по прямой, не больше, товарищ генерал, — отозвался водитель.

— Останови!

Водила покосился на начальство с сомнением, но спорить не осмелился. Внедорожник сбросил скорость и сместился к кустам. Хворостин дождался, когда машина остановится, и распахнул дверцу. Водитель наблюдал за ним со все возрастающим интересом.

— Я пешком пройду, — пояснил генерал, — а ты покури, оправься и подъезжай.

— Разрешите обратиться, — засуетился водитель. — Здесь небезопасно, товарищ генерал.

— Мне казалось, что Зона там, за кордоном, — пожал плечами Хворостин и испытующе поглядел на водителя. — Или не так?

— Так. — Водила съезжился под начальственным взглядом. — Только здесь тоже всякое встречается. Торгаши, сталкерня, мелкие аномалии. Собаки опять же.

— Собаки, — фыркнул Хворостин и вылез из машины.

Когда обернулся, водитель уже стоял снаружи и с опаской тарачился на него. Эта материнская забота от подчиненного действовала на и без того истрепанные нервы.

— Мне осталось пройти паршивых шестьсот метров.

— Целых шестьсот.

— Всего шестьсот, — отрезал генерал. — Подъедемь через полчаса.

— Слушаюсь, — отчеканил тот.

Хворостин резко развернулся и зашагал вперед. Через полсотни шагов машина и водитель скрылись за деревьями, а еще через несколько десятков стало совсем тихо.

Лес был нехороший. Мертвый. Дыхания у него не было. Всех звуков — только шуршание листьев под ногами. Ни птиц, ни насекомых, ни хоть какой-то заваливающей полевки. И пахло чем-то гнилым.

Генерал поежился. Пресловутые шестьсот метров стали казаться вдруг чем-то ощутимым. Рука метнулась к кобуре, пальцы стиснули рукоять пистолета. Теплый, нагретый от близости человеческого тела металл казался сейчас живее природы вокруг. С пистолетом в руке почувствовал себя спокойнее.

Деревья расступились. Перед Хворостиним раскинулась широкая поляна, засыпанная разноцветной листвой. По ту сторону поляны деревья росли уже не так густо. За ними проступали остовы домишек и сараев, серели сгнившие, завалившиеся оградки. Один заборчик привалился к ржавому кузову УАЗа-«буханки».

Среди всей этой разрухи чем-то более-менее целым выделялся двухэтажный кирпичный домик. Во всяком случае, он не превратился в разваленную груду гнилья, повисшего на стропилах.

Генерал перемахнул поляну и устремился мимо деревенских руин к двухэтажке.

При ближайшем рассмотрении дом выглядел весьма плачевно. Некогда белая краска, которой были выкрашены стены, пучилась и осыпалась лохматыми ошметками, покрывая землю ничуть не хуже жухлой листвы. На одной из стен с трудом читалась выцветшая надпись: «Прости и прощай мой дом!». Интересно, когда и кто оставил здесь это граффити?

Крыша дома провисла, норовя провалиться внутрь. Ступеньки крыльца стесались. Перила испарились. Об их присутствии здесь напоминали лишь два гнутых железных прута, торчащих посреди левого края короткой лестницы. Однако дверь висела на своем месте. И стекла в окнах были.

— Стоять, — приказали из-за спины тихо. — Ствол на землю, или стреляю.

Хворостин дернулся от неожиданности. Эта мгновенная слабость вывела из равновесия окончательно.

— Вы что здесь, охренели все? — утробно прорычал он, медленно оборачиваясь.

Солдатик с АКМ, что стоял с ним теперь нос к носу, попятился, понимая, что облажался.

— Простите, товарищ генерал.

— Старший кто?

— Капитан Берденко, — кивнул солдатик на двухэтажный обшарпанный дом, давая понять, где искать капитана.

— Свободен, — бросил на ходу Хворостин и направился к лестнице с оторванными перилами.

Дверь на удивление открылась без скрипа. Внутри пахло пылью и сыростью. Вправо и влево от входа разбежались коридоры. В конце левого устроилась лестница на

увидел первым. И среагировал первым, поспешно подскочив с лавочки.

Хворостин одарил его пренебрежительным взглядом и повернулся к капитану. Тот к этому времени тоже узрел генерала. И, судя по утопленному чайному пакетику, неожиданный гость произвел на него впечатление.

— Старлей, — не поворачиваясь, сладко протянул Хворостин, — выйди вон. А вы, товарищ капитан, потрудитесь объяснить, какого рожна вы обсуждаете вышестоящее руководство с младшим по званию. Что за бардак у вас здесь происходит?

Тихо стукнула закрывшаяся дверь. Генерал прошел к столу, опустился на лавочку и огляделся. Все это — от кордона до командующего здесь капитана — поступило в его распоряжение, и как распорядиться этим, Хворостин пока не знал. Но то, что во всех этих черномыльских красотах придется наводить порядок, видно было невооруженным глазом.

— Я жду, капитан, — поторопил он потерявшегося Берденко.

2

Холодно было совсем недолго. Всего какую-то вечность. Сперва оледенели ноги, затем постепенно холод сковал все тело, словно кто-то или что-то высосало из него все тепло.

Сдохнуть с песенкой на устах не получилось. Губы и язык перестали слушаться, как и все остальные мышцы, а потом и вовсе застыли. Оставалось только торчать посреди тумана, не имея возможности пошевелить хоть пальцем и ни черта не чувствуя.

«А смерть, оказывается, не такая быстрая, как хотелось бы, — колыхнулась вялая мысль. — Интересно, сколько еще?»

Ответа не было. Вообще ничего не было. Бесконечный, продирающий до мозга костей холод добрался-таки до критической точки, за которой не осталось вообще никаких ощущений. Чувства атрофировались. Он не смог бы теперь сказать с уверенностью, стоит он, лежит или висит в воздухе.

Слух если и сохранился, то был абсолютно бесполезен. Слушать было нечего. Кругом стояла ватная тишина. И плыл густой, как молоко, туман.

«Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», — трепыхнулась в сознании попытка превратить конец в шутку. Но озвучить ее он не мог, да и слушателей не было.

Наверное, так чувствует себя эмбрион. Впрочем, у зародыша хотя бы есть связь с реальной действительностью, а у него такой связи не осталось. Лишь зависшее в нигде сознание, плывущее по течению из ниоткуда в никуда.

А может, он все-таки умер? И это конец? То самое посмертие, которое пытаются нарисовать в виде кори-

дора, в конце которого свет и толпа оживших покойников, встречающих тебя со счастливыми улыбками. Вот только тоннеля нет. Темноты нет, света нет. И родных и близких тоже не видно.

Ощущение времени потерялось следом за ощущением пространства. Бесконечный холод сменился новой бесконечностью, определения которой не нашлось. Как определить состояние, при котором мир теряет верх, низ, право и лево, становится неощутимым, без вкуса, цвета, запаха, без звуков? Когда ничего не видно, кроме мутной белизны? Когда не чувствуешь даже собственного тела? Когда все, что есть, — это твоя память и неугасающее отчего-то сознание?

Через какое-то время возникло желание сойти с ума. Зародилась мысль, что сумасшествие в данном случае могло бы стать переходом сознания на новый уровень. И с этим новым пришло бы понимание происходящего и осознание того, как в нем существовать. Но сознание цеплялось за память о реальности и не желало делать качественный скачок.

Первым вернулось зрение — если, конечно, считать, что оно пропадало. В молочно-белом тумане стали возникать едва заметные струйки. Что это? Откуда?

Понимание пришло не сразу, а когда оно возникло, оформилось и окрепло, снова захотелось сойти с ума. Источником клубящихся дымков оказалось его тело. Будто он был вырезан изо льда, и это ледяное изваяние стояло теперь на железном листе и плавилось на солнце.

Вопреки законам физики, которые, кажется, перестали существовать вместе с тактильными ощущениями, дымка не развеивалась, а сгущалась, словно внутри нее была какая-то притягивающая сила.

«Я испаряюсь?» — екнуло в груди. И это стало первым вновь возникшим ощущением.

Дымок клубился, густел. Дымные сгустки стали отдаляться от него, приобретая форму, принимая некие очер-

тания. Сероватые, полупрозрачные клубы оформились в человеческую фигуру. Мужскую, довольно крепкую, хоть и бесплотную, и до боли знакомую.

И это завораживающее и вместе с тем ужасающее зрелище тоже длилось какое-то время, растянувшееся в очередную бесконечность, счет которым он уже потерял. А потом сотканная из тумана, выпаренная из его тела фигура отстранилась и застыла на расстоянии протянутой руки.

Если бы он мог, то, наверное, развернулся бы сейчас и побежал прочь. Изо всех сил. Не разбирая дороги. И плевать, что это смертельно опасно. Если бы... Но тело по-прежнему не ощущалось. Потому оставалось только наблюдать за клубящейся фигурой — точной копией его самого. А парующийся воздушный двойник стоял не двигаясь и смотрел на него изучающе.

Смотрел! В этом он готов был теперь поклясться. Облако дыма, видение, мираж, бесплотный дух.

Существо склонило набок прозрачную клубящуюся голову и словно бы улыбнулось теплой грустной улыбкой уходящего лета. И от этой «улыбки» внутри у него все сжалось, словно выдернули кусок души. Будто что-то незаметное, неиспользуемое, недооцененное, однако невероятно нужное вырвали из него, давая понять, что оно было прежде, но никогда не будет впредь.

Прозрачный, точно привидение из детского мультика, двойник отвернулся и зашагал прочь. Он не развеялся, не растаял. Он просто уходил, терялся в тумане. И это, в отличие от всего, что было прежде, длилось не бесконечность, а считанные секунды.

Раз! И воздушного двойника не стало, словно никогда и не было. Вот только почему-то осталась уверенность, что он не пропал. Лишь ушел куда-то на время, а может, и навсегда, но ушел недалеко. Затаился где-то и будет теперь здесь вечно.

Как будто Зона сняла с него посмертную маску. Слепок. Кальку. Или что-то большее?

Мысли зашевелились быстрее. Он почувствовал тепло, но осознание того, что он опять может чувствовать, появилось не сразу. Разум отказывался моментально принимать такой объем несуразности, разрушающий представления о мире.

Когда снова осознал себя в реальности, он сидел на земле. Вокруг стоял все тот же набивший оскомину непроглядный туман. Было сыро и пахло прелой травой. Осенний день неумолимо клонился к вечеру. Все тот же день? Сколько прошло времени?

Он попытался подняться и понял, что придется заново учиться ходить. Ноги не казались замерзшими, будто и не было того жуткого аномального холода, зато перестали слушаться.

Что это было? Он умер? Родился заново? Это дар или наказание? Что это?

— Поцелуй Зоны. — Губы разлепились с трудом, тем не менее фраза, хоть и хриплая, прозвучала четко.

Он сделал шаг, другой. Ноги двигались так, словно он сильно отлежал их, и хотя кровь уже вновь бежала по сосудам, разойтись по затекшим конечностям она еще не успела.

Шатаясь, словно пьяный, он зашагал сквозь туман, плохо соображая, куда и зачем идет. Да и неважно сейчас это было. Главное — он жив! Неизвестно как, непонятно почему, но жив. Бултыхающаяся, как марионетка в руке нетрезвого кукловода, фигура начала теряться в тумане. А через минуту из непроглядной молочной пелены донесся хриплый голос, напевающий, казалось бы, совсем неуместного здесь, давно позабытого Криса де Бурга.

— Espionage is a serious business,
Well I've had enough of this serious business,

That dancing girl is making eyes at me,
I'm sure she's working for the K.G.B.
Moonlight and vodka, takes me away,
Midnight in Moscow is lunchtime in L.A.¹

Сталкер Мунлайт возвращался к жизни.

---

¹ Шпионаж — дело серьезное,
Что ж, хватит с меня этого серьезного дела.
Та танцующая девушка строит мне глазки,
Я уверен, она работает на КГБ.
Лунный свет и водка уносят меня прочь.
В Москве полночь, а в Лос-Анжелесе время завтрака (*англ.*) —
строки из песни Криса де Бурга Moonlight & vodka.